

После разгрома и капитуляции Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая всё ещё стояла за продолжение войны. Требование трёх держав – Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 года о безоговорочной капитуляции Японией было отклонено. Учитывая это, союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии, что сократит сроки её окончания, количество жертв и будет содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Вступление СССР в войну подготавливалось самой политикой японского государства, в течение многих лет осуществлявшего агрессивные военные вылазки и провокации. Как утверждает японский историк С. Моримура, летом 1945 года Квантунская армия, несмотря на все поражения в войне с Америкой, считала себя «непобедимой на материке» и готовилась напасть на Советский Союз. Японская военщина планировала захватить его территории до города Омска, что составляло более 2/3 общей площади России.

Миллионная Квантунская армия, дополнительно вооружённая химическим и бактериологическим оружием, выжидала выгодный момент, чтобы двинуть свои дивизии против советских войск на Дальнем Востоке.

К советско-маньчжурской границе регулярно из Харбина присылали ящики с вирусами и микробами холеры, брюшного тифа, дизентерии, сибирской язвы, сапа – бактериологическое оружие массового уничтожения. Таким образом, японцы намеревались уничтожить 5 миллионов человек.

Но наступление советских войск, развернувшееся 9 августа 1945 года, сорвало их дьявольские планы.

* * *

Трудно представить, что человек в очень уважаемом возрасте, которому 90 лет отмечали в 2015 году, продолжает работать. А в Кировском районе Санкт-Петербурга гараж ПО-5 на улице Броневая возглавляет Михаил Ефимович Жданов, полковник в отставке, ветеран Великой

A black and white portrait of an elderly man with a mustache, wearing a dark suit jacket, a patterned tie, and a collared shirt. He is looking directly at the camera. In the background, there are several framed photographs or documents on a wall.

Михаил Ефимович Жданов

Отечественной войны, в прошлом артиллерист 2-го Украинского фронта, потом Забайкальского. В 203-й стрелковой Запорожско-Хинганской Краснознамённой ордена Суворова дивизии бывший командир 76-миллиметрового орудия был комсомольским вожаком полка.

Жданов на Западном фронте в составе дивизии форсировал Дон, Днепр, вёл бои на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии, Германии, на Восточном фронте с 53-й армией Забайкальского фронта участвовал в Хингано-Мукденской операции в войне с милитаристской Японией. Войну закончил в Порт-Артуре.

Поезд идёт на восток

В долгожданный день 9 мая 1945 года война с фашистами для младшего лейтенанта Михаила Жданова закончилась. После месячного отдыха, наконец, поехали на родину в Союз, но куда, — никто не знал.

Эшелон медленно двигался по европейской части России. Проехали Урал, дни и ночи кующий оружие для фронта, потом Байкал. Два часа стояли на запасном пути у самого священного озера. Всем было разрешено побывать на берегу, попить байкальской воды, но строго предупредили, чтобы никаких предметов, ни кусочка бумаги не должно было попасть в воду.

Михаил Жданов совсем недавно командовал 76-миллиметровым орудием, сейчас — комсорг полка. Главная его работа — обеспечить активную деятельность молодёжи своего полка, поднять боевой дух комсомольцев. 203-я стрелковая Запорожская

Краснознамённая ордена Суворова дивизия воевала с самого начала войны, да как воевала! Враг рвался в нашу страну, а воины дивизии стояли насмерть, несли огромные потери, но не сдавались.

Рано утром, когда ещё не взошло солнце, поезд остановился в Монголии в районе города Чойбалсан. Такое скопление людей и боевой техники, как здесь, до этого многим видеть ещё не доводилось. На станцию прибывали эшелон за эшеленом, войска спешно разгружались, и колонна за колонной уходила в степь. Кроме этой дивизии здесь базировались танковые, кавалерийские и артиллерийские подразделения, которые были переброшены с запада, то есть с фронтов, воевавших с немецко-фашистскими захватчиками. Ревели дизелями сотни танков, новеньких, только что полученных с Урала, их экипажи – опытные фронтовики, воевавшие в Европе. Над головой то и дело проносились самолёты – истребители, бомбардировщики, штурмовики, транспортники.

Дивизия расположилась в степи на берегу реки Керулен. Поставки боевых машин с заводов прибывали сюда, артиллеристы 619-го полка здесь должны были получить орудия. Всё здесь было в диковинку. Рано утром прохладно. Скоро стало тепло, а чуть позже невыносимо жарко. В первые сутки пребывания на монгольской земле познали прелести резко континентального климата. Никаких дорог, ярко выраженных ориентиров. Вот она какая, степь монгольская, ровная до самого горизонта! Кругом, куда не кинешь взгляд, высокая зелёная трава и пасущиеся отары овец. Здесь недавно прошли обильные дожди, палящее солнце ещё не успело сжечь траву.

В дивизию прибывало пополнение, около тысячи молодых бойцов 1927 года рождения. Они были всего на 1-3 года младше солдат и офицеров, уже побывавших в боях с фашистами и имевших опыт боевых действий.

Для комсорга полка это было «горячее» время. Он беседовал с каждым прибывшим, а с комсомольцами особенно, рассказывал о боевых подвигах ветеранов, напоминал о славных делах советских воинов при защите Монгольской Народной Республики от японских агрессоров в 1939 году. К каждому старался найти ключик, стремился сделать жизнь каждого интересней. Всё это помогало молодым солдатам быстрее включиться в жизнь подразделений. Вечером 8 августа во всех батареях и полках прошли митинги, затем всем выдали по боекомплекту. 9 августа ночью должны были

переходить границу, поэтому спать легли рано. Но спать никто не мог. Все ждали команды к действию. Не спал и Михаил, перед ним быстро пролетели годы войны.

Солдатами не рождаются

Шёл 1942 год. Отец Михаила шахтёр Ефим Арсеньевич с первых дней войны был на фронте, служил в 5-й армии генерала Белова. Под Ржевом их кавалерийский полк зашёл глубоко в тыл гитлеровцев и наделал там много шума, но вскоре сам понёс большие потери. Ефим Арсеньевич в том бою был тяжело ранен, лежал в госпитале. Его оба брата – Дмитрий и Семён Арсеньевичи, дяди Михаила, погибли, один под Сталинградом, другой – на Ленинградском фронте.

Все приятели Жданова, которым едва стукнуло семнадцать лет, ушли на фронт. А Михаила, рождённого в начале января следующего года, в армию не брали, считалось, что он на год младше их, год его призыва не подошёл. Не помогло и то, что он, провожая на вокзал в воинский эшелон последнего сверстника из своей компании, собирался незаметно прошмыгнуть в вагон, чтобы уехать на фронт вместе с ним.

Возвратившись со станции домой, прошагав ночью пять километров, он упросил свою мать пойти с ним на станцию и уговорить какого-нибудь командира взять его в свой эшелон. Так незаконно Михаил был зачислен бойцом в Красную Армию. В октябре 1942 года Жданов был зачислен курсантом в Ташкентское пулемётно-миномётное училище. Учиться долго не пришлось. В 1943 году во время Орловско- Курского наступления их повезли на фронт. Над поездом, в котором ехали курсанты, летали самолёты, сбрасывали бомбы. Наконец, стало тихо. Поезд остановился, – в эшелон с курсантами из их же училища, который шёл перед ними, попала бомба.

Курсанты долго шли пешком. Под Харьковом, куда они пришли, преподаватель училища им сказал:

– Ешьте быстрее и идите в палатку получать оружие.

Когда Михаил подошёл получать винтовку, ефрейтор развел руками:

– Винтовки кончились. Когда кого убьют, возмёмшь его оружие.

Когда до окопов, в которые они шли, оставалось метров сто, полетел шквал реактивных снарядов. Один из них разорвался впереди Михаила. Осколки снаряда расплосовали живот одному

из однокурсников. Осколки второго снаряда впились в ногу Михаила, почти оторвали её, следующий снаряд упал в метре от головы, но почему-то не разорвался.

Маленькая, хрупкая девчушка-санитарка подползла, наложилась выше колена, ловко поворачивая его с боку на бок, подсунула под Жданова плащ-палатку, и потащила его, огромного, под метр девяносто, с опасного места в укрытие. Полтора месяца Михаил лечился. В госпитале узнал, что участвовал в Курской битве.

Когда подлечили, сразу направили в воинскую часть, в штурмовой батальон. Несколько раз ходили в атаку, перед новой атакой команда: «окопаться». Вдвоём с татаринном, который был много старше Михаила, стали выкапывать окоп.

– Ты доживёшь до победы, а меня обязательно убьют, может быть, даже сегодня, – сказал татарин очень спокойно, как бы между прочим.

Окоп ещё был не глубоким. А немцы стали стрелять. Снаряды пролетали мимо.

– Летят со свистом, – сказал татарин, продолжая рыть окоп, – значит, они не наши. Вот когда они будут «хлоп, хлоп», тогда берегись.

Снова стали рваться снаряды. Татарин бросил лопату и сел в окоп, пока такой глубины, что едва прикрывал сидящего, а Жданов плюхнулся к его ногам. Выстрелили ещё раз. Снаряд прошипел «хлоп, хлоп». У Михаила в ушах страшный шум, кровь из носа и рта, почувствовал, как по его спине что-то потекло. Один из снарядов упал в двух-трёх метрах от их окопа, разорвался на много осколков. Два из них достались Михаилу, один в ключицу, другой – в голову. Он стал вставать и увидел перед собой красный фонтан из того места, где должна быть голова напарника. Он ещё не до конца понял, что произошло. Что-то скатилось с его спины и упало на дно окопа. Это была окровавленная голова. И тут Жданов увидел, что его напарник сидит без головы. Он так испугался, что сам, раненый, окровавленный своей и чужой кровью, побежал к миномётчикам, которые были метрах в ста от окопа. Его отвели в медсанбат. И опять госпиталь.

* * *

Мысли прервал сигнал горна, в воздух взлетела ракета.

– Боевая тревога!

9 августа, Монголия, три часа ночи. Совсем темно. В полночь через границу ушли сильные разведывательные отряды. Их за-

дача – на японских заставах уничтожить проводную связь, а затем внезапным налётом разгромить пограничников.

За разведывательными отрядами устремились подвижные отряды, основной задачей которых было захватить перевалы до подхода японских резервов и расчистить путь на Центральную Маньчжурскую равнину. У каждой дивизии свой подвижный отряд, человек 700: батальон мотострелков на «Студебеккерах» и «Шевроле», артиллерийский дивизион, дивизион самоходок СУ-76, сапёрный взвод, связисты.

Мимо пронесли танки. Артиллеристы 203-й стрелковой дивизии, так и не получившие орудий, построились как пехотинцы. Шум такой сильный, что командиру полка пришлось кричать во все горло:

– Полк, за мной! Шагом марш!

Чтобы не допустить затяжной войны, могущей привести к дополнительным потерям в нашей армии, Генеральным штабом был разработан план молниеносной кампании на Дальнем Востоке.

Забайкальский фронт, которым командует маршал Ма-линовский, наступает двумя большими колоннами. Первая идёт из восточных районов Монголии, вторая движется на Хингано-Шеньянском (Мукденском) направлении. Причём, армии наступают не там, где их могут ждать крупные, хорошо укреплённые районы противника, а им в обход, где солдату не пройти, преодолевая раскалённые пески и солончаки пустыни Гоби, отроги сурового хребта Большой Хинган, заболоченные поля Центрально-Маньчжурской равнины с обильными в августе дождями. При этом, используя опыт войны с Гитлером, действуют скрытно, внезапно.

6-я гвардейская танковая армия за два дня преодолела обширную пустыню, а на третий перевалила через Большой Хинган и совершенно неожиданно для противника вышла на Маньчжурскую равнину. Главный союзник танкистов, как и всех других воинов – скорость. Воздушная армия маршала авиации Худякова обеспечивает господство в воздухе.

Войска 1-го Дальневосточного фронта наступают в направлении Харбина и Гирина. Они, тоже прорвав оборону противника, стремительно продвигаются навстречу Забайкальскому фронту, отрезая пути отхода Квантунской армии.

Войска 2-го Дальневосточного фронта форсировали Амур, захватили плацдарм на его правом берегу и к 14 августа продвинулись вперёд, в некоторых местах до 200 километров.

В огненной пустыне Гоби

Раскалённым зноем встречает бойцов бескрайняя пустыня Гоби – пустыня смерти. Промчавшиеся мимо танки, автомашины, да и сами бойцы при ходьбе поднимают тучи обжигающего песка. Не только тяжело дышать людям, глохнут моторы. Пески засасывают колёса автомашин и гусеницы танков. И всё же до рассвета в результате первого удара, осуществлённого точно по плану, были уничтожены все пограничные заставы и разведывательные пункты японцев. Появились первые трупы и группы пленных.

Середина августа – самое жаркое время в пустыне. Температура под пятьдесят градусов. На небе ни облачка. Кругом бескрайняя, серо-белая песчаная степь. До самого горизонта ровная, плоская равнина, не за что зацепиться глазу. От скудной весенней травки остались на песке лишь небольшие грязноватые пятна. Ветерок обжигает огнём. Горизонт теряется в дрожащем мареве, земля сливается с небом какой-то мутной полосой. Солнце глядится на бездонном иссиня-голубом небосклоне небольшим желтым пятнышком, но от него исходят беспощадные, обжигающие, как пулемётные трассы, лучи. Дышать нечем, горло пересохло и саднит. Кажется, в глотку уже и вода не потечёт. Какая там еда? Нос щекочет запах дикого чеснока.

Дивизия идёт через внутреннюю Монголию, через пустыню Гоби. Каждый несёт на себе автомат, патроны, скатку, гранаты, вещевой мешок. Те, кому совсем невмоготу, держатся за повозки, в которые запряжены маньчжурские кони, как их называют, «монголки», маленькие, но очень выносливые. Вода в радиаторах кипит, и без воды не только кони, не пойдут и машины.

Как вспоминает Жданов: «Идёшь по песку, словно по сковородке, на привале просто так на землю не ляжешь – жжёт даже сквозь гимнастерку. Раскалённая земля, раскалённое небо. Ветер приносит не прохладу, а зной – горячий, словно из печи, вздымает пыль, сечёт кожу песком и мелкими камешками, при вдохе, кажется, обжигает легкие. Этот суховей старожилы зовут “гобийцем”, потому что дует с юго-запада, от пустыни Гоби.

Воды нет. Горло совсем пересохло, губы склеиваются, даже нечем сплюнуть. Зато пот льётся в три ручья. Непонятно, откуда он берётся. Невозможно хочется пить, хотя бы один глоток воды. Зато вокруг колонны облако пыли. Пыль везде, даже на зубах. Каска сильно нагрелась. Когда была вода, воины периодически ув-

лажняли пилотки и использовали их в качестве дополнительной подкладки под каски».

По колонне прошла новость:

– Скоро озеро.

Колонна автоматически ускоряет шаг, лишь несколько человек в хвосте начинают отставать, если скоро озеро, значит, будет привал, они успеют догнать колонну. Подошли к озеру. Солдаты его заметили издали и заторопились. Откуда только взялись силы? Некоторые из тех, кто безнадежно отставал, оказались у озера одними из первых, быстро сбросили свою ношу и бросились к воде. Пить воду нельзя. Она крепче самого острого рассола.

«Надо как-то поднять настроение бойцам, внушать им уверенность. Я же комсомольский командир, – думает Жданов. – А как это сделать, если я сам совсем скис? Что сказать на привале?»

Жданов решил, что уместными будут строки из «Василия Теркина»:

На войне, в пыли походной,
В летний зной и холода,
Лучше нет простой, природной –
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда, –
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б – вода.

Подошли к поселению. Видят полуразрушенные мазанки и фанзы и ни одного человека. Дворы заросли бурым бурьяном. Никаких животных или птиц. На полусгнивших срубках у двух колодцев висят ведра. Только воды и не видно даже. Недалеко за населённым пунктом на дороге лежали три японских трупа с карабинами. На радость бойцам батальон нагнала полевая кухня. Звучит долгожданная команда:

– Обед!

Полк тут же разделяется на большие группы. Каждому в котелок накладывают первое и второе вместе. Получается густой суп. Ещё выдают тоненький кусочек консервированной колбасы. На третье каждый получает по кружке чая. Голос старшины:

– Котелки должны быть чистыми. Иначе пристанет песок.

Солдаты их тщательно выскребают ложками, по совету старшины протирают кусочками хлеба. И снова идут по песку. Как тяжело по нему идти! Многие натёрли ноги. Вдруг громкий радостный возглас:

– Озеро! Вижу озеро!

Это уже второе, встретившееся на пути. К нему, конечно, поспешили, но не так резво, как к первому. Никто не мог поверить, что вода может быть пригодной для питья. Так и оказалось. Когда отошли от озера, чистое огромное небо вдруг потемнело. Вихрем взметнулся высокий столб рыжей пыли. Он стремительно пронёсся над пустыней, поднимая пыль ещё выше, делая её гуще. Она лезет в глаза, забивает ноздри, лезет под одежду.

Тут же находится знаток, который заявляет:

– Этот сухой ветер, перемешанный с пылью является страшным предвестником надвигающихся суховеев. Если внезапно не прорвётся дождь и не приостановит горячее дыхание раскалённой пустыни, суховеи могут дуть долго, поднимая в воздух тонны песка, кружа его, бросая, наметая целые сугробы. И при всём этом солнце будет жечь по-прежнему, доводя температуру до 60 градусов, и тогда пустыня станет настоящим адом.

И знаток не ошибся, этот ад наступил. Подул ветер, горячий, да такой, что песок, казалось, кто-то стал швырять горстями, а потом лопатой. Началась песчаная буря. Порывистый ветер стал такой сильный, что напоминает удары, пытается сбить с ног. Всю округу заволокло песчаной тучей. Дышать нечем.

– Укрыть оружие! Люди – под плащ-палатку! – приказал командир полка.

К счастью, это продолжалось недолго, всего часа два. Когда всё стихло, тропу по которой шли, засыпало песком, причем слезавшийся песок стал лёгкий, зыбкий, так что ноги теперь утопают по щиколотку.

После песчаной бури бойцы совсем расслабились. Хочется одного – пить. Нет, ещё хочется броситься на землю и лежать, не вставая, пусть не спать, а просто лежать без движения. Кажется, что не осталось совсем никаких эмоций, кроме этих. Но надо идти вперёд.

Хочется пить. Утром удалось найти воду, правда, не совсем качественную. Её желательно отстоять, процедить через марлю из индивидуального перевязочного пакета. Такую воду полковой врач допускает к употреблению. Она, хотя и становилась немного чище, но отвратительный, тошнотворный запах сохраняется. Не

помогают и хлорирующие таблетки. Такую воду пьют по-особому. После глубокого вдоха прикрывают рот марлей и с трудом делают два-три глотка. Прокипятить бы её, но в условиях пустыни это невозможно.

Низко над землей пролетел самолёт У-2, как его называют «Кукурузник». Потарахтев, он опускается на равнину. Чтобы поддержать силы, командующий Забайкальским фронтом маршал Малиновский прислал самолёт, который доставил сухари, селёдку, воду. Но вода у вертолётчиков оказалась дефицитом. Получилось каждому по полкружки. И хотя она была тёплой и солонатовой, но показалась удивительно вкусной. Офицерам положено две нормы. Жданов, получив полную кружку воды, выпил не до конца, отлил в кружку полного, совсем обессилевшего солдата, рядового Филиппова, чью винтовку он нёс с самого утра.

На фоне раскалённого зноем песка вдруг появлялись фантомы водной поверхности, даже волн и скал, деревьев и отражений в воде. Это мираж. В пустыне такое бывает.

Следующий день начался с предупреждения. Командир полка майор Василенко довёл до сведения всех офицеров приказ командира дивизии генерал-майора Здановича о повышении бдительности. Японское командование оставило в тылу летучие отряды, которые нападают на наши коммуникации, на отдельные гарнизоны и подразделения и совершают диверсии. Ночью вырезали целый взвод солдат из соседней воинской части. Они состоят из ярых самураев, хорошо обученных и вооружённых, имеют заранее подготовленные военно-продовольственные базы.

И второе предупреждение: надо остерегаться смертников и частей специального назначения. Их основная задача – уничтожение командного состава и боевой техники советских войск. Они уничтожают офицеров и генералов холодным оружием из-за угла, подрывают танки, бросаясь под них со связками гранат или с минами. В подразделениях Забайкальского фронта есть жертвы от действий японских летучих отрядов и камикадзе.

Утром сообщение Совинформбюро: «В Забайкалье наши войска в результате стремительного удара с боем овладели важным узлом дорог и сильным опорным пунктом противника – городом и железнодорожной станцией Хайлар... За день наши подвижные войска в Забайкалье продвинулись на 170 километров в сторону Большого Хинганского хребта... Наша авиация продолжает наносить удары по основным железнодорожным узлам Маньчжурии».

Марш по Монголии. 11 августа 1945 года. Капитан Яков Хлебников вручает Михаилу Жданову грамоту.

Жданов едва идёт, трудно говорить, хочется покоя, но он находит в себе силы и появляется то тут, то там, где, видит, бойцу плохо. И это при том, что он, как и другие, устал до предела. Кажется, что больше невозможно сделать ни шага, но надо идти. И он идёт, и идут бойцы.

Испепеляющая жара.

К Жданову подошёл помощник начальника политотдела по комсомольской работе капитан Яков Хлебников. Он подготовил грамоты молодым солдатам, тем, кто не потерял боевого настроения. На привале их вручают, сохранилась фотография, на которой капитан вручает грамоту Федосею.

Жернова войны

Весной 1944 года на короткий привал остановились у крайнего дома небольшого села. Метрах в 150 от них стояли четыре копны. Рядом окапывается пехота, работает кухня.

Командир орудийного расчёта Жданов нашёл большую яму, как раз подходит для установки его орудия. Как хорошо, и не надо тратить силы на рытье земли.

Орудие установили. Вдруг из копны в Жданова выстрел из винтовки. Пуля попала как раз в то место шапки, где звёздочка, пробила её, слегка задела голову и вылетела за спиной. Вероятно, стрелок целился Михаилу в лоб.

Жданов не растерялся, выстрелил из пушки в стог, стог загорелся. А пушка после выстрела, как обычно, сделала откат, подпрыгнула и... провалилась, повисла за счет ствола. Трое из огневого расчёта успели из ямы выпрыгнуть. Оказалось, что пушка установлена в силосной яме.

Пока артиллеристы вытаскивали пушку, а им помогали и пехотинцы, из трёх других стогов выскочили танки с чёрными крестами на боку, быстро развернулись и уехали. Один из них успел выстрелить в сторону села, оставив несколько убитых и раненых, но тут же поплатился за это. Пока он разворачивался, вспыхнул пламенем от снаряда. Четвёртый танк, из которого стреляли в Жданова, так и остался в стогу. Он, подбитый Михаилом, уехать не мог, обгорел. Из него даже никто не появился. Когда сено прогорело, он, весь в копоти, так и стоял.

Когда пушку вытаскивали из силосной ямы, по лицу Жданова текла какая-то жидкость, мешая смотреть. Он смахивал её левой рукой, но жидкость напозла на глаза снова.

– Товарищ командир, вы ранены? – спросил заряжающий.

Только сейчас Жданов посмотрел на левую руку, увидел кровь и сразу почувствовал боль в голове, стал глазами искать, где его шапка.

Подносчик снарядов, он же и разведчик Виктор Верещагин поднял с земли его шапку и подал ему:

– Вот ваша голова. Вам надо в медсанбат.

– Да ладно. Пройдёт. Лечиться будем после войны.

Но неделю всё-таки пришлось провести у медиков. А шапку он не бросил, до конца войны иногда щеголял в ней.

При форсировании Буга Жданова вызвал начальник артиллерии:

– Мы должны прикрывать форсирование реки. Ваша огневая позиция, – обратился он к Жданову, – вот в этом месте, показал он на карте.

Скоро стемнело. Жданов подъехал к указанному месту, а оно в кукурузном поле. Растения выше человеческого роста. Отсюда кроме кукурузы ничего не видно. Зато хорошо, не надо укрывать тягач, который привез пушку. Стало светать. Чтобы создать сектор обзора, стали рубить стволы кукурузы. Подбежал взволнованный заряжающий:

– Товарищ командир, впереди у реки немцы. Много немцев. Как быть с кукурузой?

– Рубите всю. Оставьте последний ряд, – ответил Жданов.

Он имел ввиду, что вот-вот должно начаться наступление, и их орудие будет стрелять. И если немцы их заметят и предпримут против них какие-то действия, то защититься они смогут. Но опасней немцев были русские, чьи голоса слышались сзади. Это они должны были форсировать Буг, это их нужно прикрывать. Таким образом, расчёт Жданова оказался между немцами и русскими. Когда будет сигнал наступать, русские могут их принять за отступающих врагов, и сотрут в порошок.

Буг в этом месте был между высокими крутыми берегами. Фашисты, видимо, поняли, что русские от них совсем близко, побежали к берегу, стали скатываться в воду, переплывать, а на том берегу вылезая из воды, карабкаться, поднимаясь. Берег очень высокий, крутой, быстро не вылезешь.

Какой хороший момент стрелять по противнику. Но команды стрелять нет, ни по радиостанции, нет и ракеты. А такой редкий момент, когда выстрелом можно уничтожить много врагов... И Жданов не выдержал, командует:

– Огонь!

Пушка стреляет по отступающему противнику. Сразу появляются убитые и раненые. Те, кому удалось выбраться на тот берег, стали прятаться за копнами сена. Жданов стал стрелять по копнам, по большому стогу сена. Оно загорелось. Все поле на том берегу превратилось в огромное пламя. Переправа неприятеля на данном участке сорвана. С пулемётами, ящиками с патронами мимо расчёта Жданова пробежали пехотинцы, они окружили отступающих немцев.

А сигнала стрелять так и не было. Жданов понимает, что не должен был стрелять без команды. Как на это прореагирует начальство? К тому же у него, как у командира орудия, масса нарушений. Позиция его орудия открытая, оно стоит на пригорке, замаскировать его не успели. Своими выстрелами он открыл себя, а для вражеского орудия он – отличная мишень. Сидит уставший, нервный. Кто знает, какие планы у командования? Может быть, он их нарушил. В это время к нему подходит майор:

– Кто здесь командир?

Жданов встаёт, ожидая наказания, виновато втягивает голову в плечи:

– Я, товарищ майор.

– Ты герой.

– Какой же я герой? Стрелял без команды. Такое в армии не положено.

М. Жданов. Прага. 1945 г.

– Ты герой, – повторил майор. – Столько фашистов на тот свет отправил. Я редактор газеты «В бой за Родину».

И действительно, через день вышел материал об артиллеристах Жданова. Огромный, на всю страницу.

За этот бой Михаила представили к ордену Красной Звезды.

В другой раз ожидалось наступление немцев. Орудие Жданова стояло на небольшой горке, на главном направлении. А под горкой ров, за которым небольшая роща.

Вдруг под горкой загудело, завывало. Ясно, что наступают танки, но из-за деревьев их не видно. Но вот появ-

ляется танк, проваливается в ров и из него выползает, обнажая дно – самое незащищённое место от снаряда. Жданов командует:

– Пли!

Танк снова проваливается в ров, из которого теперь вылезает густой чёрный дым. Но пока пушку перезаряжали, другой танк уже выполз из рва.

Жданов сам сел на место наводчика. «Только бы не промазать», – думает он. Выстрел. Танк загорелся. Другие танки не стали испытывать судьбу, поворачивают в сторону и скрываются во рву, иногда появляясь между деревьями.

Жданов тыльной стороной руки вытер пот с лица, устало сел на лафет. После трудного боя его трясёт, как он любит объяснить своё состояние, лихоманит.

Переход через Хинганские горы

Но в сторону воспоминания.

Солнце ещё не поднялось из-за гор, но его тепло уже разливалось, словно пар из кипящей воды. Высвеченные зарёй далеко в дымке сияли на утреннем небе вершины высоких гор. Увидев их, бойцы воодушевились. Это Хинган. Там, у подножия гор, должна быть вода, а значит, трава и какая-то прохлада. Ещё километров двадцать-тридцать – и конец пустыне. Полк медленно, без длительных остановок, продолжал двигаться вперед...

Особенно сложно воинам полка дались последние семьдесят километров по пустыне. Люди, измотанные переходом, валились с ног. И, наконец, когда оказались в районе предгорья Хингана, бойцы увидели растительность. Здесь в июне, а затем и в июле, прошли обильные дожди, и песчаная степь ожила. Перед бойцами расстился красочный многокилометровый ковёр, завораживающий их своим необыкновенным видом. Огромный, почти необитаемый край был покрыт яркой зелёно-красно-жёлтой «скатертью». На лугах буйно цвёл дикий чеснок. А бурые, обнажённые плешины глинистых солончаков, на которых ничего не растёт, были лишь кое-где.

Но через несколько десятков метров по этому красочному ковру пустыня дала о себе знать – в песке, как это было на барханах, засели две упряжки, да так глубоко, что их пришлось откапывать. Оказалось, что в этом предгорном районе распрекрасное «покрывало», к сожалению, имело толщину всего несколько сантиметров. Вес одного человека оно выдерживало, а тяжесть нагруженной телеги с узкими колёсами – не могло.

По рядам быстро пронеслась новость:

– Недалеко отсюда протекает речушка, вода в ней чистая, можно пить – сколько угодно.

Тут же появился полковой врач.

– Вода чистая, но я предупреждаю вас, – сказал он, – вода – с гор, ледяная, люди, и кони могут опиться и заболеть. Так что лучше не усердствуйте, пейте, но не от души.

У подножия хребта Большой Хинган устроили привал. Позади более 700 километров пути по горячим пескам. Бойцы радовались, что преодолели пустыню Гоби, что трудности остались позади, испытания солнцем выдержали с честью. Здесь после ужина состоялось партийное собрание.

Жданов собрал молодежь и провёл открытое комсомольское собрание. На собрании присутствовали командир полка Василенко и Хлебников. Подводили итоги перехода по пустыне Гоби, говорили о том, что ждёт бойцов впереди. Трудностей, которые их ожидают, не скрывали. Да трудностей никто и не боялся. Никто не жаловался ни на трудный путь, ни на недостаточно хорошее питание, даже не жаловались на недостаток воды. Комсомольцы и не комсомольцы просили об одном: назначить их на самый трудный участок.

– Трудный участок вам будет обеспечен, – пообещал Жданов. – Перед нами Большие Хинганские горы.

На этом собрании троих бойцов приняли в комсомол. Несколько человек тут же подали заявления с просьбой о приёме в молодёжную организацию.

Грянул громовой раскат. Первые капли дождя, тяжёлые, словно крупные градины, застучали по каскам. Скоро плотная водяная стена обрушилась с неба.

С утра, после кратковременной паузы, войска в труднейшей обстановке возобновили наступление. Десятки километров, пройденные через горные перевалы, и семь переправ через реку Шандухэ легли тяжёлым грузом на плечи солдат. Размытая ливневыми дождями, разбитая танками и машинами, дорога узкой лентой вилась по крутым скатам гор. Она то делала резкие повороты, за которыми ничего не было видно, то нависала над бездонной пропастью. Гора резко поднималась вверх. Чем дальше, тем круче сопки и глубже пади. Здесь вполне могли скрываться японцы из группы летучих отрядов или смертники.

Трудно было двигаться в пешем строю, но конному и автомобильному транспорту требовалось особое содействие. На всём протяжении подъёма и спуска команды физически крепких солдат помогали повозкам и автомашинам преодолевать тяжёлые участки дороги. Загодя припасённые лямки, разные чурки, колодки – все эти предельно простые средства оказались очень полезными в том трудном пути.

Наконец, добрались до места ночёвки у подножия очередной сопки. Вместо ужина дали немного воды и по сухарику. От длинного перехода и изнурительной жары солдаты были такие уставшие, что, пососав сухарик, раскатав шинель, тут же засыпали мертвецким сном. Быстро холодало. Потные тела стали замерзать. Ночью проснулись от выстрелов. Это стреляли часовые. Жданов схватил автомат, встал. Другие уже стояли с автоматами на груди, но никто не знал, что происходит. Послышались щелчки: бойцы ставили автоматы на боевой взвод. Заняли круговую оборону, но где неприятель, никто не знал. Когда едва забрезжил рассвет, все успокоились.

Кто-то выразил предположение:

– Часовые себя перестраховали. Один, вероятно, испугался, выстрелил, другие его поддержали.

Командир полка собрал офицеров.

– Только что по радиации, – сказал он, – командир дивизии сообщил невероятное: ночью японцы вырезали батарею, которая ночевала возле нашего полка. Бесшумно сняли часовых и ножами

расправились со спящими, со всей батареей. Генерал требует повысить бдительность.

Жданов видел их тела, ребята его возраста. Человек десять. У всех на телах страшные открытые раны.

Когда кончился привал, роте, с которой шёл Жданов, дали команду:

– Выйти из полковой колонны. Рота поступает во временное распоряжение командира мотострелкового батальона.

В монастыре, как показала разведка, находится разведывательно-диверсионный центр. Мотострелки окружили монастырь, где засели японцы, и атакуют, но пока безуспешно. Но так как остальные подразделения мотострелковой дивизии ушли вперёд, то командир корпуса приказал выделить подразделение, чтобы им помочь. Выделили роту, где больше воинов, которые прибыли с западного фронта, воевали с Гитлером, как более опытные, проверенные в боях. Скоро стала слышна стрельба. И в той стороне в воздухе парило что-то громадное белое. Это монастырь, каких в горах Большого Хингана было много.

Рота идёт без остановок. Чтобы было меньше жертв у мотострелков, надо им помочь по возможности быстрее. Поэтому командир роты то и дело командует:

– Шире шаг!

Бойцы прибавляют шаг, но это даётся им с большим трудом: кто-то дышит с хрипами, у нескольких бойцов из носа идет кровь. Они запрокидывают головы, зажимают носы носовыми платками, но шагают вместе со всеми.

Напротив огромного монастыря виден двор из глинобитных стен. Внутри двора высокий бревёнчатый дом, вокруг которого низкие, мрачные мазаные домики с крохотными оконцами. А дальше равнина, на которой пасётся огромное стадо волов и овец. Стрельба слышится отчётливо. Каждый вслушивается, где стреляют сильнее и из какого оружия. В той стороне, где стрельба интенсивней, бойцов встречает каменный Будда. Чётко слышны пулемётные и автоматные очереди, винтовочные выстрелы, разрывы мин.

Поступает команда:

– Рассредоточиться и залечь.

Все в тот час выполняют приказание и ждут следующей команды, а пока каждый проверяет своё оружие. Для некоторых этот бой будет первым в жизни. Будда бесстрастно смотрит на бойцов. Отсюда хорошо видны окопы японцев. Но и им видны их противники.

Над бойцами пролетела первая японская пуля.

– Беречь голову! – командует ротный.

Жданов передаёт по цепочке:

– Фронтовики! Опекайте молодых, приходите им на выручку.

Скоро появляется командир роты. Он уже переговорил с командиром мотострелкового батальона. Разведка установила, что японцев человек 200–250, они из разведывательно-диверсионного центра. Сюда сбежались недобитые подразделения. Вооружены они пулемётами, винтовками, карабинами, гранатами.

В небо взлетела красная ракета, и не успела она рассыпаться, ударили миномёты. По всей японской обороне вокруг монастыря с лопающимся звуком рвались мины, создавая тучи пыли и дыма. Ветер сносил эти тучи на наступающих, создавая им дымовую завесу.

Минут через десять вторая красная ракета – сигнал для ротных командиров.

– Рота! В атаку! За мной! – крикнул один из командиров.

За ротным, размахивая автоматом, побежал Жданов, сержант и бойцы. Все стреляют на ходу. Их с флангов поддерживают станковые пулеметы.

Японцы стреляют тоже, из своих карабинов и «гочкисов». Заговорил их пулемёт. Бойцы немедленно залегли. Командир роты командует:

– Перебежками вперёд! По-пластунски вперёд!

Кто ползёт, обдирая о камни локти и колени, кто, пригнувшись, пробегает несколько метров, а потом падает. Но при этом все стреляют, свои и японцы.

Жданов вскакивает и кричит:

– Вперёд!

Жаркий день. Дымом и пылью заволокло место боя. От быстрого бега перехватывает дыхание, в горле пересохло. Глотнуть бы водицы. Но порыв атаки яростен, его не остановить. Вперёд на врага!

Жданов быстро бежит и падает. Пот застилает ему глаза. Михаил стряхивает его ладонью и снова перебегает, бросает гранату и прыгает в траншею к японцам. За ним в траншею прыгают ещё человек пять. Начинается рукопашная.

В другой части траншеи японцы на штыках поднимают белые полотенца, другие тянут вверх руки. Уже наши бойцы дулами автоматов подталкивают японцев, и те вылезают из окопов, выходят на поляну. На поляне они молча бросают карабины и, на удив-

ление всех, кланяются и отходят в сторону. Там они спокойно от жары под кепи подсовывают полотенца, которые только что поднимали на штыках, другим его концом обматывают шею.

В белом, как было известно, одеты смертники. Они тоже поднимают руки, кишок себе никто не выпускает.

А в монастыре проходит обыск. Нашли вещевые склады на все случаи жизни. Здесь и форменная одежда для солдат и офицеров, а в другом – халаты лам. Есть подозрение, что ламы, которых здесь немало, – офицеры разведывательно-диверсионный центра. С ними должны разобраться уполномоченные СМЕРШа. Чтобы проверить, все ли живы, производят перекличку. Некоторых недосчитались, их ещё надо найти. Тела убитых нашли, трое оказались из 203-й дивизии, четверо – из мотострелкового батальона.

Когда добрались до полка, оказалось, что и из другого места привезли три трупа. Для похорон устроили привал. Быстро вырыли братскую могилу. На траурный митинг времени не хватило. Замполит перед строем только и сказал:

– Прощайте, герои. Слава вам, павшим в бою за честь Родины!

Скоро колонна уже спускалась с гор, а на десятки километров до самого горизонта простиралась ровная, как стол, земная поверхность. По своей геометрии она ничем не отличалась от памятной всем пустыни, но она была не жёлтой и серой, а ярко-зелёной с переходом в синь дымки неба.

На Маньчжурской равнине

Это Китай. За долгие дни тяжёлого пути по пустыне Гоби и каменному Хингану бойцы так исстрадались по зелени, что представшая перед ними картина пьянила, обещая тёплую влагу, светлый вечер, шорох листвы, хруст овощей. Каждый из них словно вырвался из клетки на свободу!

Наконец, бойцы увидели местных жителей. Их встречали китайцы, радуясь, что пришли освободители. Прямо на тротуары китайцы выставляли бочонки с родниковой водой, махали флажками, кричали:

– Капитана, капитана, шанго!

И в знак одобрения поднимали большой палец. Здесь бойцы видели и русских эмигрантов. Ночью японцы обстреляли полк из автоматов. Несколько человек убили, а сами скрылись. Дальнейшее наступление Красной Армии вглубь Маньчжурии ставило

самураев в безвыходное положение. Лишившись возможности организованно отойти к своим базам в Северном Китае и портам на побережье Тихого океана, Квантунская армия была обречена на полный разгром или капитуляцию.

Когда преодолели Большой Хинган, встретились со своей техникой. Дальше двигались хорошо вооружённые, пушки были при них.

Все постоянно находились в полной боевой готовности. Никто не знал, как поведут себя японцы. Они могут не убежать, а развернуться и дать бой. И это должно вот-вот случиться. Сильная японская армия, которая хотела, как и Гитлер, завоевать весь мир, должна же, наконец, продемонстрировать свою силу. Но наша армия уже себя показала на Западе, и весь мир понял, как она сильна, перед ней и японская армия содрогалась.

В большие города не заходили, они уже были освобождены от японцев, и их контролировали другие части.

17 августа стал переломным во всей дальневосточной кампании. Войска Забайкальского фронта маршала Малиновского, преодолевая сопротивление разрозненных боевых групп противника и бездорожье Центральной Маньчжурии, упорно продвигались к намеченным целям. Овладев накануне с помощью дерзкого десанта Тунляо, ударные гвардейские соединения 5-го танкового и 9-го механизированного гвардейских корпусов генералов Савельева и Волкова двигались на Мукден по полотну железной дороги. Других дорог не было. По обеим сторонам насыпи простирались топкие болота, залитые водой поля, по которым не только колёсные, но и гусеничные машины продвигаться не могли. Их пытались остановить лётчики-камикадзе.

Непростая задача стояла и перед 619-м полком. На привале его командир донёс до сведения командиров подразделений:

– Разведчики предупредили, что нам предстоит переправляться через мелкую речку Ляо-ха-хе, которая постоянно меняет своё русло. О ней бы и говорить не стоило, за время пути нам пришлось переправляться через много речек, в том числе и бурных. Но эта такая своенравная, даже справилась с огромным «Студебеккером», засосала его. Машину спасли с трудом. Так что имейте в виду, что речка непростая, предупредите об этом людей.

Странно было слушать такое сообщение – мелкая река угнала автомашину. Интересно посмотреть на неё. Удивительная всё-таки эта страна – Китай, чего тут только не встретишь необычного!

После сообщения разведчиков полк километра четыре двигался по ровной, чистой и гладкой поверхности, состоявшей из плотного мелкого белого песка. Вокруг только песок – ни деревца, ни кустика. Оказалось, это было старое русло отступившей реки. Сама Ляо-ха-хе виднелась невдалеке. На сухом месте, в полукилометре от неё, непонятно зачем, вырисовывался высокий, длинный деревянный мост.

– Река живая и своенравная, часто меняет своё русло. Вероятно, под этим мостом она когда-то протекала, – высказал предположение один из бойцов.

Речка необычная была и внешне, Жданов таких не видел. Бурная, светло-коричневая Ляо-ха-хе не отливала серебром, как реки в России, а темнела среди искрившегося на солнце светлого прибрежного песка. Шириной она была метров двести. В середине русла возвышался продолговатый островок. Никаких берегов с отмоинами, бугорками, растительностью не было и в помине. Река текла прямо по песку, по всему было видно, что пришла сюда не так давно.

Судя по колеям от машин и широких от танков, ушедших в воду, здесь был брод, и прошло здесь техники немало. Жданов в сапогах, ступил в воду. И вода со стороны течения сразу стала сильно биться о его сапоги.

Михаила удивило, что в мелкой реке может быть очень быстрое течение. Мутная вода неслась с такой скоростью, что её потоки, перебегая один в другой, завихлялись, вспучивались, уходили вглубь. Смотреть на такую бурлящую воду и секунду невозможно, сразу начинала кружиться голова. В какую точку ни глянь, всюду стремительно закручиваются и тут же исчезают причудливые буруны. К тому же мутный, жёлтый поток искрится на солнце великим множеством мелких песчинок. Впечатление у Жданова сложилось такое, что вода, взбухая, мерцая, переливаясь, стоит на месте, а он сам с головокружительной скоростью несется по ее волнам, качаясь из стороны в сторону. Стали на тот берег переправлять технику, сначала автомашины и «Студебеккеры» с гаубицами. Это прошло беспрепятственно. Затем принялись за пушки и повозки.

Когда к воде подвели лошадей, все они заупрямились, в воду не шли, боялись, у них, наверное, глядя на воду, как и у людей, кружилась голова. Тогда им всем завязали глаза. С завязанными глазами, ведомые тянувшими их за поводья ездовыми, лошади шли по бурлящей воде спокойно и уверенно. На случай, если лошадь оступится и упадёт, каждую из них сопровождали с боков

по три-четыре солдата, держа наготове верёвочные построжки, чтобы в случае чего просунуть их под живот лошади и помочь ей подняться на ноги.

Когда стали переправлять последнюю пушку, одна тяжёлая лошадь упала, и её сразу поднять не смогли. Пока распрягали упряжку, вызволяли упавшую животину, передок орудия засел в иле настолько, что его едва вытащили всем миром. Увлечённые поднятием передка, забыли про орудие. А оно за это время ушло в ил, даже щита не видно. Пришлось подкапываться под станины и колёса, чтобы просунуть построжки. А для этого, задержав дыхание, нужно было опуститься с головой в воду, быстро раскопать ил и успеть протащить несколько концов веревок в проушины колеса. Вот тут-то в полную меру и ощутили коварство Ляо-ха-хе. Командир орудия попробовал подцепить концом верёвки за колесо, но подцепив одной веревкой, сказал:

– Больше не смогу.

Тут же нашлось много желающих сделать это, на первый взгляд, простое дело. Но ни у кого не получилось. Попробовал и Жданов. Находясь под водой, чтобы успеть справиться с засасывающим илом и выдать наверх конец построжки, надо было какое-то время не дышать. Он смог подцепить колесо только концом одной веревки. Отплёвываясь илом, сказал:

– Извините. Не могу больше.

Из всех солдат и офицеров самым выносливым оказался Хлебников. Он нырял много раз и каждый раз цеплял веревку. Когда они все были выведены наружу, за них ухватилась сотня солдат. Хлебников ими и командовал:

– Раз, два, взяли!

Верёвки натянулись как струны, люди с построжками на плечах поднатужились и рванули вверх. Ура, пушку вытащили!

Действительно, пришлось поверить, что застрявшая большая машина может скрыться в бурунах речушки. Чудеса и только: воды в речке ниже колена, а автомобили скрываются под водой.

Полк вошёл в город Кайлу, который уже был занят передовыми частями дивизии.

Китайцы принесли несколько бочонков воды, поставили на тротуар, приветствуют бойцов, жестами предлагают воду, на древко прикрепили красный флаг, быстро соорудили трибуну. Дивизия заняла военный городок, в котором недавно жили японцы. Теперь они находились где-то в горах и каждую ночь напоминали о себе: то устроят взрыв, то пожар, повредили электростан-

цию. Китайское население к японцам относится ожесточённо, при каждом удобном случае готово с ними расправиться.

Комендант города, молодой капитан с несколькими наградами на груди, был в числе десантников, сброшенных сюда на парашютах.

– Как хорошо, что вы прибыли, – говорит он командиру полка. – Недавно приходил китаец, который знает, где прячется японская рота. Надо бы с ней разобраться. Мы – небольшая горстка десантников, этого сделать не смогли. Китаец вас проведёт по зарослям гаоляна скрытно и коротким путём.

Жданову, как руководителю комсомольцев и бывшему командиру орудия, приказано возглавить эту операцию.

Гаолян был действительно высокий, людей в нем не видно. Впереди пошли Жданов и китаец. За ними под руки с завязанными глазами вели захваченного на Хингане японца, он не должен знать сил, какими располагают русские, ни местности, по которой его ведут. Место расположения деревни, где засели японцы, для данной операции подходит хорошо. Посевы гаоляна доходят до самых дворов, а с двух сторон деревня прикрыта рощей.

Жданов и китаец подошли к деревне совсем близко. В бинокль хорошо видно, что японцы что-то палочками едят из котелков. Михаил снимает с лица арестованного японца повязку, даёт в руку сложенную бумажку на японском языке – ультиматум сложить оружие и сдаться в плен, иначе японцев уничтожат, советские воины рядом, и их оружие наготове.

В бинокль видно, что пленный входит во двор, что-то говорит солдатам. Один из них бежит в дом и возвращается с офицером. Жданов видит, что это капитан. Унтер протягивает ему ультиматум, что-то говорит. Капитан отвечает унтеру и бьёт его по лицу, да так, что тот отлетает в сторону. Офицер, повернувшись лицом к своим, видимо, что-то им сказал, потому что они сразу забежали. Ясно, добровольно они сдаваться не собираются.

– Дать выстрел из пушки в сторону дома, но так, чтобы в дом не попасть, – приказывает Жданов.

Снаряд разрывается около дома. Несколько японцев падают, другие поднимают руки, многие начинают махать белыми платками. Во двор врывается штурмовая группа.

Вечером двух сдавшихся в плен командир полка с категорическим ультиматумом отправляет в горы. Утром пленные возвращаются с ответом, в котором говорится, что японцы не в силах противоборствовать воле императора, а потому готовы выполнить все предписания господина советского майора.

3 сентября 1945 года закончилась война с Японией. 619-й полк завершил свой путь по Китаю на берегу Жёлтого моря в городе Порт-Артур.

Вечером в небо взвились цветные ракеты – белые, зелёные, красные – и трассирующие очереди победного салюта – всё как после капитуляции Германии.

Жданов в воздух разрядил свой ТТ, подумав, что это последние его выстрелы на земле...

Окончилась война, но 619-й полк, находившийся во втором эшелоне, ни в Монголии, ни Китае, ни в один большой бой так и не вступил, тем не менее, трудностей он испытал сполна, причём, происходили они, в основном, от природных условий. Пустыня Гоби, потом хребет Большой Хинган, за Хинганом переправы через Ляо-хе и Ляо-ха-хе, а затем топи и реки Китайского Приморья. Японской армии почти не встречали, солдаты убегали от наступающих до самого Порт-Артура, не вступая в бой. Отдельные отряды сдавались в плен.

203-й стрелковой дивизии было присвоено наименование «хинганская». Теперь она называлась 203-я Запорожско-Хинганская Краснознамённая ордена Суворова дивизия. В общей сложности она преодолела более 1000 километров, выполнила свою задачу: зашла в тыл Квантунской армии, лишив японцев всех коммуникаций.

* * *

Закончилась война. Среди наград Михаила Жданова орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, медали: «За боевые заслуги», «За доблесть и отвагу». Среди них есть «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», юбилейные.

Он мечтал стать геологом, после окончания войны хотел поменять военную форму на гражданскую, но в военкомате ему сказали, что форму менять рано, надо поднимать страну, восстанавливать разрушенное войной. Коммунисту Жданову пришлось подчиниться. В военной форме он строил мосты, дороги, атомную электростанцию в Сосновом Бору, Ежевский автомобильный завод. И когда в звании полковника ушёл в запас, продолжал строить. Кстати, гараж ПО-5 – это тоже его рук дело, с самого начала, с плана строительства.

Санкт-Петербург